

ВАЛЕНТИНА СИНКЕВИЧ

ОГНИ

СБОРНИК СТИХОВ

Нью-Йорк
1973

ВАЛЕНТИНА СИНКЕВИЧ

О Г Н И

СБОРНИК СТИХОВ

Нью-Йорк
1973

All rights reserved

**Rausen Publishers and Distributors, 124 West Street,
New York, N. Y. 10023.**

**Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.**

Printed in Germany

Владимиру Шаталову посвящаю

«Огни» — первый сборник стихов Валентины Синкевич. Родилась она в России. Судьба ее, как и судьба тысяч перемещенных лиц — вынужденный отказ от крова. Потом — скитания по дорогам второй мировой войны, лагеря, путь в неизвестное, Америка. Обосновалась она в Филадельфии в Пенсильвании. Работает в библиотеке и занимается переводами.

Валентина Синкевич почти еще не выступала в печати со своими стихами. Но уже «Огни» показывают, что в поэзии она не новичок. Чувствуется, что у нее есть опыт работы над поэтической техникой, что она знает и любит не только русскую, но и английскую поэзию. И это наложило свой отпечаток на первый сборник стихотворений одаренной Валентины Синкевич. Расставшись со своей страной, вдали от Родины, она не только не разлучилась с лирикой потерянного, своего, но восприняла лирику обретенного чужого крова. Валентина Синкевич убеждает читателя, что, если романтика уходит из жизни, то память, воображение и душевная боль могут воссоздать, возродить ее музы-

кой слова. Такое возрождение романтических чувств и настроений, вопреки условиям, которые не созданы для романтики, представляются мне большим достоинством ее первого сборника.

Валентина Синкевич — поэт со своим лицом. Это относится и к содержанию и к форме ее стихотворений, к их ритмике, к свежим нешаблонным сравнениям и поэтическим образам. И мне хочется верить, что после появления этого сборника — у Валентины Синкевич будет свой круг читателей.

Вячеслав Завалишин

Будильник. И злобно твердит циферблат,
Что в комнате — четверть седьмого,
Что нет ни дорог, ни билетов назад
Во сны, потому что четверть седьмого
И время встало. Бежит.

Все следом за ним. Включают мотор.
Но у времени скорость
Такая, что мысли забыты, забыт разговор
(Задумчивый и чуткий, как совесть),
Потому что утром включают мотор.

А где-то над временем — облака,
Бутон распускается где-то,
Вдоль времени тихо плывёт река,
Недалеко от мотора где-то —
Совсем не зная, что время спешит.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Зинаиде Михайленко

Прямо с неба свисают стены,
Послушно деревья сошлись у реки,
Бронзовая фигура Уильяма Пенна,
С радушным жестом руки.

Город — утренней суматохи . . .
Торопливый шаг наступившего дня.
И моторов тяжёлые вздохи
Резонируют в ушах у меня.

Бенджамин Франклин улыбается в кресле,
Первый флаг развевается на ветру . . .
Я случайно в городе этом воскресла
И нечаянно в городе этом умру.

Я брожу по нью-йоркским улицам,
В Калифорнии славлю холмы
И в огнях Филадельфии
Я делю вечера на минуты
И минуты слагаю в года.
И нью-йоркские улицы
И холмы Калифорнии,
Филадельфия, вся в огнях —
Всё глушат и слепят . . .
И почти уже заглушили
И почти уже ослепили
Детство в Остре.
А может его и не было.
Может был это просто туман . . .
Только избушка в соломенной крыше,
Всё как в старенькой шляпке стоит.

ТЕЛЕФОН

У книжной полки
Лет уже столько
Стоит телефон
На столе.
И я звоню, отвечаю,
Уезжаю, причаливаю,
К трубке припав,
Как к земле.

У книжной полки
Лет уже столько
Разбивает звонок
Тишину.
И огромный город
Тогда не приколот
Серой картинкой
К окну.

У книжной полки
Лет уже столько
Не верю тому,
Что в окне.

И юность
В стоптанных туфлях
И годы,
Что все не потухли
По ветру мчатся
К весне.

И слышит полка
Лет уже столько,
Лет уже столько подряд —
Как потухали деревни,
Опадали деревья,
Осыпались молитвы с уст,
Набегали испуганно строки
И дом провожал одинокий,
Похожий на мокрый,
Сгорбленный куст.

ОСЕНЬ

В памяти его
Отцветают подруги.
В памяти ее
Увядают друзья.
Вместо звезд со стены
Только лишняя лампа
Освещает длинные,
Ничьи вечера.
Это осень пришла.
Постарели деревья
И осыпались листья
С ветвей.
Это струны дождей,
Как струны гитары,
Плачут о том,
Что осень пришла.
Плачут о том,
Что будут стоять
Очень скоро деревья,
Неживые деревья
В снежном цвету.

БЕССОННИЦА

Снова ночь у меня за гардиной.
Ото дня — горьковатый вкус
Городской суеты газолиновой,
От которой я задохнусь.

Я пишу. И бессонные стены,
Сквозь гардины прозрачный забор,
Снова смотрят и смотрят бесменно,
Электричеством, прямо в упор.

Но сегодня, в мире над взморьем,
Ветр от неба и до земли . . .
Я пишу, чтобы бросить бутылку в море,
Которую найдут корабли.

В полутьме почти осязаю рощу,
Только контуры ее не видны,
Только море под ветром ропщет
На гребне девятой волны.

Я пишу этой ночью с усилием.
Снова ветром куда-то снесло . . .
Как обидно, что нету крыльев,
А только одно крыло!

С берега дальнего — всё ни звука.
Океан — это только волна,
Океан — это лишь глубина,
Океан — это только разлука

И пустая в парке скамья.
Вечер закрыт на цепочку.
Стол, бумага, строчки.
На бумаге в строчках я . . .

И тогда в моей комнате странно,
Будто кто-то рядом поёт,
Будто кто-то еще не живет
На другом берегу океана.

А прислушаюсь — в доме ни звука.
Только в берег бьется волна
И от берега вдаль — глубина
И от дали в берег — разлука.

У окна поёт граммофон:
«В небе потухла луна
Над вечерним царством неона
И завешено солнце
Туманом из труб».

Так поёт у окна граммофон.

«В пыльном царстве камней,
На кусочке забытого лета
Умирает хромой стебелек.
Он сегодня ночью умолк
Не дождавшись седого рассвета.
И струится неоновый
Свет фонарей . . .»

Так поёт у окна граммофон.

ОГНИ

Может быть это грань бытия . . .
Друг, друзья. Где они?
В целом городе я и огни.
В целом городе камни и я.

И никак ничего не понять —
Я кончаю какой-то маршрут,
Говорю об искусстве и долге.
Дни бегут . . .
А бежать им осталось недолго.
Так недолго осталось бежать!

Иногда мне твердят о весне
И мальчик подходит ко мне.
Я кричу в отчаянии:
— Джони!

И от Джони пощады нет.
От Джони отдушины нет.
Душа у Джони как воск —
В огнях телевизор, киоск . . .
И у Джони в руке пистолет.

А когда не страшно и молодо —
Я хочу на волю, в стихи,
Мою голубую стихию.
Но уже я попала в огонь . . .
И летят и летят на огонь
Мотыльки огромного города.

Город, город. Огни.
В целом мире я и они.
Только бледен огонь неона,
Только тускло мерцанье перронов,
С которых никуда не сойти.

ЗЕМЛЯ

Тихими рассветами, в тумане —
Уходили в океаны корабли
И пустая гавань на прощанье
Опускала небо до земли.

Догоняла корабли земная
Песня, умирая в парусах.
И далекий вечер в прямом мае
Колыхался мертвый на волнах.

И потерянное диво —
Землю, под ногой уже не удержать.
И взметали океаны гривой
И бросались на корабль опять.

И навстречу снова выходили зданья.
Лишь для тех, кто не окончил рейс
Та же гавань на свиданье
Подымала землю до небес.

ДНИ МОИ

Суета завьюжится,
Город запульсирует
Мысли и движения кружа . . .
И задохлась улица
В суматохе утренней
В газолиновые дни спеша.

Не последние, не первые
Промахнут автобусы
Красные сигналы «Стой».
И сквозь будни нервные
Губы улыбаются
С одного надрыва дня в другой.

Городским потоком
Солнце прокатилось
Улицею в семь потов . . .
И глядит с упреком
Лето из поставленных
За витрину неживых цветов.

А в вечернем блеске,
В городе неоновом
Человек над улицей поник,
Где на каждом перекрестке
Прошлого и будущего
Жизнь поставила тупик.

Улица — ни слова.
Души закрываются.
За угаром стелется угар...
И на завтра снова
Тени утомленные
Прометают подо мною тротуар.

ФЕРМА РОВА

Набежала тоска, да вымерла,
Только в листьях зеленую грусть
Осенила церковь Владимира,
Куполами зовущая в Русь.
Да наверх тропинка к опушке, на
Которой грудью в гранит
Терпеливо памятник Пушкина
На столетие наше глядит.
Да платочек над подоконником, —
В прошлое — двор перейти, —
Так хмельная сегодня гармоника
Пьяно пляшет на чьей-то груди.

Да сошлись по-русски,
Перстенёк вокруг музыки,
Все рубахи-блузки
Подойти — обнять . . .
И качнулось шало,
Хмельно побежало
Под гармошку
Время вспять.

Набежала тоска, да вымерла,
Только в листьях зеленую грусть
Осенила церковь Владимира,
Куполами зовущая в Русь.

НА ВЫСТАВКЕ

Галине Женук

Мрамор. Вне слов и мерил —
Царственный! Но знаете ль,
Сколько жизней прожил
Над мрамором этим ваятель?
Медаль. Шагнул. Вручена.
Но это ли нужно гению?
Мраморная тишина
С факелом вдохновения —
Самый бесценный приз,
Когда за искусство ратуя
Сползают кровинки вниз
По белому мрамору статуи.
Дайте ему этот приз!

Вдохновению — шаг до безумия,
От безумия — миг до струны.
Как играет ему полнолуние
В мире неполной луны!

Всё — от слуха до зрения —
Режущая, грохочущая волна.
Но в поте его вдохновения
В грохоте есть тишина.

Есть и в бессмертие дверца.
Кто сказал, что от жизни — треть?
Можно, как он, загореться
И дотла никогда не сгореть.

И пускай тогда в каменных милях
Многое от нас хотя,
Город ласкает насилие,
Адское свое дитя.

ДОМИК У МОРЯ

У моря домик,
Где отдыхают.
У моря зонтик
Ветрами взбит.
На море лодку
Волной качает.
На лодке рифма
Спокойно спит.

У моря домик
Глаза ласкает.
И подоконник
Покою тих.
Пускай подольше
Никто не знает
Когда на лодке
Проснется стих.

Анне Марли

На душе светло и кротко,
Солнце в океане и во мне
И в глазах закрытых
Парусная лодка
Бабочкой, порхает на волне.

Мир мой окунулся в океаны
И в мечты уходят корабли
И рассказывает ветер плавно
Песенный напев Марли.

Разве верится, что скоро будни?
Корабли и песни вот идут назад . . .
За окном стихает город многолюдный
И ему приснится на волнах закат.

ТОЛЕДО

Пена мантильей белой,
Выжженная река
И в камнях Святой Изабеллы
Убаюкано спят века.

Под пыльный горячий ветер,
Под песни случайной приют
Камни входили в столетья,
Как поезд в свою колею.

Кабаллеро, в сегодня — ни шагу! —
Только жабо и овал.
Кабаллеро с толедскою шпагой
На вдохновение нижеет слова.

И колокол будит Эль Греко —
О Диоз, звонит, помози . . .
И окна откинули веки,
Окна с бельмом жалюзи.

И снится уже на вокзале
Без звона, среди звонков,
Как сжала стенами калье
Величие спящих веков.

БЕЛЫЙ ЗВЕРЬ

Города мои снова на старте.
В миге последних сведений
Умер вокзал, родился завод . . .
А на кровати,
Зажмурив глаза неведением,
Белый мурлыкал кот.

Он покоем мурлыкал смолоду,
Белый зверь умудрял отдохнуть —
Пусть огни и грохоты города
Не целят в открытую грудь.

Белый зверь. В каждой шерстинке
Снег не растаявших зим.
И бегут к востоку тропинки
Под колесами у машин.

Белый снег. В городке-деревне,
Сгорбленной от сохи,
Снова вырос обычай древний
По ночам ворожить стихи.

Только холод четверостиший!
Когда умирал человек
И на рваные плечики крыши
Падал бедою снег.

Белый зверь, помурлыкай в памяти!
Видишь, — город затих и потух . . .
На закате лодка причалит к заводи
И в спокойное завтра разбудит петух.

ТОПОЛЕВАЯ УЛИЦА

Спереди, вслед —
Камнем бред,
Узится
Тысячей бед
Улица
Тополя, которого нет.

Каменных лент отмеряли
Тем, которые верили
Сотни лет.

И монумент
На площади:
Всадник на лошади . . .
А тополя нет.

Памяти Ирины Сенкевич

Человеко-железа прилив и отлив,
В грохоте локон и бантик
Девушки, которую снова забыл
Выкрасть из мертвых романтик.

А в мире, где об этом молчат
Много окон тоскует
По окну, за которым вечность назад
Второпях прочли отходную.

И молчат. А ведь при луне —
Кажется во время отлива —
Белый лебедь плывет в окне
Медленно и красиво.

И под молчание птиц
В души слепо-немые
Смотрит девушка из-под ресниц
Голубыми глазами России.

И уйдет. И машины по улице врозь
Из двух превращаются в десять,
В десятки и сотни тысяч колес,
Которым некуда ехать.

ТИХАЯ УЛИЦА

Тихая улица? Да, —
Это детства осколок.
Это наша беда —
Ушел из детства ребенок
навсегда.

Зима наметает сугроб.
Нараспашку ворота.
И к ним подошел небоскреб
И вкатилась тревожно забота
в ворота.

Нате. Подвал и чердак —
Царские — слов нет...
Только цвел у дороги мак
Уже немногие помнят как...
Не помнят.

КОТЁНОК БЛЮ

Вечер звездного цвета.
В комнате без «люблю»
Черный линолеум вместо паркета
И белый котенок Блю.

Никогда не будет разгадано:
«Верю, надеюсь, люблю» ...
Смотрит месяц весною странно
В мире котенка Блю.

Сбудутся скоро зимы,
Листьями всхлипнет плющ ...
Скачет по вечеру мимо
Белый котенок Блю.

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

В белой комнате дверь уменьшилась до дверцы,
Оттого, что сегодня никто не войдет.
Тихо в доме. Тихо на сердце.
Дремлют стены и дремлет кот.

По ковру уже не колышутся тени
От вчерашнего вечера и огня.
Только груды свободного времени
От выходного, белого дня.

Тихо в доме. Тихо на сердце.
Дремлют стены и дремлет кот.
В белой комнате дверь уменьшилась до дверцы,
Оттого, что сегодня никто не придет.

Белле Ахмадулиной

Мира два. И бессильны оба —
Ты над миром. Ты вне миров.
Осыпаю тебя с небоскреба
Золотым звездопадом слов.

Открываешь уста — радость, горе!
Стих над далями чист и прост.
Видишь, снова к Черному морю
Тянется Бруклинский мост.

А судьба — на твою похожа:
Одинаково Слово любя —
Всеми скулами лиц и оттенками кожи
С небоскреба смотрю на тебя.

И ничьим не поверю будням —
Не исчезнешь ты вдалеке.
Знаешь, поётся легко и трудно
На Гудзоне, Москве-реке.

Я вошла в города, Белла,
Ненадежно и налегке.
Расставанья дорога спела
Второпях на чужом языке.

И не раз в городах, Белла,
Держу на себе гранит
И не раз твой, под шалью белой,
Город в меня глядит.
Растянул он мне жилы в мили
Дорог,
В них пульсируют автомобили
И человек и Бог
День и ночь,
Белла.

А миры? Пусть всесильны оба —
Если над миром и вне миров . . .
Посылаю тебе с небоскреба
Эхо твоих слов.

ТОСКА

Погуляю в были,
Одолжу у времени
Припорошенную пылью
Нежность древнюю.
И сотру со слова
Пыль многовековую,
Откажусь от крова
За семью засовами.
 Попрошу и вечер,
Ароматный травами,
Натяну на плечи
Сумерки кудрявые.
Может станет легче
В ночь бессонную
Снова ставить свечи
В юность под иконою.

Нет ничего опаснее
Своей доброй воли.
Горше нет, чем «напрасно я»
Скорчившееся от боли.

Сердце казалось дверью.
Входили люди,
В сердце не веря —
Толпами люди.

Жадно поэты
Брали вдохновенье,
Становясь Поэтом
На одно мгновенье.

Люди, крики,
Пули, веревки
Не щадят великих.
Марина, горько!

Там, где любила — пусто.
Там, где смеялась — грустно.
Там, где ласкала — жёстко.
Только пела дивно.
Только спела лебедино.

И в слезах деревья
Дождевых. Поэта нету.
Сколько поколений
Нет Поэта.
Сколько вдохновений
Нет Поэта.
Только дуновенье
Душ и ветра —
Нет Поэта . . .

ДОМ ЭДГАРА ПО

Вот он, памятью собран
Из вдохновенья и бед.
Веще чугунный ворон
Смотрит столетию вслед, —

Как в кошмарном рассвете
Под вымысел «Золотого Жука»
Горбились комнаты-клетки
От порога до чердака.

И отошли в поколенья.
Только сквозь век и сон
Призраком слово «Гений»
Вернулось в усопший дом.

Воскресило из мертвых. Ожили
Пожелтевшие лица книг,
Строки, укрытые пылью,
Раскрывал вдохновением стих.

Но пришла тишина. Устали.
Снова лежат в пыли . . .
И вянет портретик в овале
Весенней Аннабел Ли.

ВЕЧЕР В ДЮВАЛЕ

Ходит вечер, погруженный в тишину
У меня в Дювале по окну.
Уши, привыкайте к тишине —
Вечер у меня в Дювале на окне
Ходит, смотрит, молчит.
Тихо. В тихом — вздох —
Что нас роднит
Неразлучных трех —
Вечер, Дюваль, меня?

Вечер в Дювале.
Я. С нами уже рифмовали —
Свечи, плечи.
Больше нечего,
Потому что устали
В Дювале
Стихи и я.

Тихий вечер.
Немой, без речи.
Мой. Только свечи
Огонь калечит.

Только плечи
Которым не легче
Оттого, что нету
Как летом
 снега,
Как в спящем бега —
Обнявшей плечи руки.
Нету обнявшей
Руки Вашей.

Нету улыбки
 зыбкой,
 Ставшей
 невидимкой
 В вечер
 вечный
 На окне Дюваля.
 Vale!

Тобику

За восторженность каждой собаки —
На мои буквы, лови!
Вся твоя суть в восклицательном знаке —
Знаке радости, знаке любви.

Я себя к тебе приглашаю в гости.
Сбей в восторженность, радость, порыв!
Есть в моей человеческой горсти
Непонятный тебе надрыв.

По-собачьи понять не можешь
Стопудовую гордость, злость.
И веками у ног моих гложешь
Человеколюбия трудную кость.

И осень уже померкла.
От лета в ушах — вздох.
Смотрят столбы, как в зеркало,
В мокрый асфальт дорог.

И дорогам хочется чуда —
Весной залистился чтоб
Сбоку железа и люда
Хромой телеграфный столб.

Только вчера ей будто
Вселенная — старый барак.
Сегодня вдруг — двадцать. Бунтон.
Белое платье. Фрак.

Шелест. И ангелов сонмы,
Аве Марии поток.
Белая девушка белой Мадонне
Положила в ноги цветок.

Пожелания — древнее правило . . .
Где-то слезинки — вниз, —
Чтобы судьба ей оставила
Золотистый кусочек риз.

Праздничный стол — трибуной,
В бокалах вино и смех,
Счастлива так, что дунуть
И полетит вверх.

В памяти тает платье,
Солнечный луч, лицо . . .
Хочется петь счастье —
Улыбку, кольцо.

Бунтон, Н. Дж.

ГОРОД

Когда месяц еще был молод, —
Закусив от волненья губу,
Я входила в огромный город
По гигантским камням, в судьбу.

Лишь на миг осветили фары,
На углу одного авеню —
Мой исчезнувший город старый,
Юность и западню.

И с тех пор не считаю ступенек
В небо или в подвал . . .
Много вложено лет и денег
В город, который впитал

Электронов центральные нервы,
За кварталом — огнями — квартал
И небритый мирок О. Генри . . .

И в угарном притоне
Звуков и красок визг
И под пьяной иглой граммофона
Луны заигранный диск.

И селящийся страх животный
Дóма, что в беды зажат,
И слезами текущие окна
С моего этажа . . .

Набежало, шелохнуло волосы . . .
Слышала на днях —
Ветер в облаках вполголоса
Объяснял тебе меня.

Руку дай и с неба на землю —
Вспомним старину:
Счастье наше котенком лазило
На колени и на весну.

Хочешь, я одену платице
Только из одних лучей?
И дорога под ногой покатится
В юность вчерашних ночей.

Когда одеваешь пальто,
Красное от обид —
Бьется верхнее до
О деревянный пюпитр.

Или от губ к губам
Вдруг световой год —
Чувствую, как там,
В землю дохнул крот.

Но если числа несть
Крыльям в пути —
Благослови весть,
Если — «прости».

Не хватило тебе, родимый,
У снегов днепровских тепла.
Осенила икона Владимира
Кочевой треугольник угла.

Но судьбой зачарованный в прошлое
Гениально тоскуешь, друг,
По земле, что июнями мерзлая
Завела в заколдованный круг.

И давно, в несметном количестве,
Пьешь днепровских берез мираж.
Запрокинул глаза электричеством
В небо последний этаж.

Только верит, как нищий в золото,
Как любовь, что не будет разлук,
Мутноглазое небо города
В гений твоих рук.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Кажется — так недавно —
В белом, как снег, феврале
Лебедь хрустальный,
Красиво и плавно
Плавал на черном столе.

И лето было белой акацией
И счастье было в цвету.
И юность, как лебедь
И лебедь, как грация
И белое платье в саду.

Потом перроны, тоска и неведь
В странах чужих королей . . .
А прошлое — только хрустальный лебедь,
Лебедь на черном столе.

По-прежнему солнце вокруг светило,
Играли лучи в хрустале.
И в нем была жизнь,
И в нем была сила
В хрустальном лебеде на столе.

А годы вяли больной травинкой
В сочной, весенней земле . . .
И падали серым снегом пылинки
С хрустального лебедя на столе.

Белое платье из белого сада
Растаяло в черной мгле . . .
И больше не стало, и больше не надо
Хрустального лебедя на столе.

День уходит. И вечер сутулится
Над мостовой фонарем.
В стенах пустошь и душ и улиц
На нем, на ней и на всем.

Никуда — потому что некуда.
Ничего — потому что пусты.
Хрипнут ритмы. Изредка «нет» и «да»
Судорогой сводят рты.

Вечерами с больными неонами
Все дороги, и каждая — в ад.
По углам, забытым иконами,
Исступленно снова молчат —

Потому что нечего. Только лампадами
Сигареты у скошенных лиц.
На усталые тени падает
Вечер с закрытых ресниц.

Может завтра оплакана
Будет юность, которой не жить
В этих длинных до пояса локонах
И песне, в которой — завять.

МЭРИЛИН МОНРО

Лимузины. Бинокли. Ложи.
Золотистого локона вихрь.
Если ночь на себя не похожа —
Трудно остаться в живых.

Вперемешку улыбка с драмой —
В драме улыбка реклам.
Это яблоко прямо с экрана
Брал миллионноглазый Адам.

И линзы впивались в тело,
И тело впиваясь в них
Качалось, дрожало, летело . . .
И трудно остаться в живых.

НОЧИ

Ночи, захлебнувшиеся алкоголем,
Ночи, задохнувшиеся в дыму,
Ночи, корчащиеся от боли,
Когда глаза в рассвет не подыму.

Разум весь — против теченья.
К вене присосавшаяся игла . . .
Шелковые листья, дуновеньем
Мысли, осыпаются на руки со стола.

Алкоголь, разбавленный любовью,
Влажная, в полубреду ладонь . . .
В этом длинном локоне — средневековье,
В этом взгляде — от костра огонь.

И слепые молча смотрят стены.
Капает из вены на рассвет вино.
И глухие молча смотрят стены . . .
Кто откроет в утро хоть одно окно?

НА ВОСЬМОМ ЭТАЖЕ

Чутким стенам часто не спится.
Смотрят каждым окном на луну.
Дышат темные песни
И дрожат барабанные пальцы . . .
Над восьмым этажом
И над Африкой — ночь.
На восьмом этаже колышутся маски,
Барабаны бьют всю ночь до утра.
Кто-то пьет, кто-то пляшет неистово
На восьмом этаже у костра.
Я уеду в покой бледноликий,
Где всю ночь закрыты глаза . . .
Только кусочек души
Незаметно останется
На восьмом этаже у костра.

ЛЕС

Шерсть. Лес.
Это прохожий
Вдруг обгложет
Двуногого без
Клыка и шерсти и
Слушая известия
За окном вижу лес.

А где-то волчица . . .
(С улицы как добиться
Ногами ватными до дверей?)
Учит волчат волчица
Быть лучше людей.

ПОРТРЕТ

Полутемная комната. Свет
Пробивается тускло сквозь ставни
И в тяжелой оправе портрет
Внимательно смотрит в глаза мне.

Над парчей жемчуга. Браслет.
И тонкая кисть в браслете.
Мы почти одинаковых лет
С расстоянием только столетья.

Но уже мне ее не понять.
В этом строго-пристальном взгляде —
Кто, жена, любовница, мать?
И зачем эта пышность в наряде?

Да и ей меня не узнать.
Я, как сфинкс, сейчас перед нею.
И души бетонную гладь
Разгадать она не сумеет.

Есть в душе эта странная гладь
Где ни мрака нету, ни света . . .
Только ей об этом не знать
В золоченой раме портрета.

РОЯЛЬ

Марине Женук

Ададжио. Анданте. Аллегро . . .
Для него столько звонких слов!
А он молчит, похожий на негра
С белым оскалом зубов.

Дайте руки. Чуткие руки.
В этом сердце тысячи струн
Отзовутся на чуткие руки,
Которые тронут тысячи струн.

Только это не струны. Это не руки.
Высоко вибрирует чье-то «Я».
Это птицы на крыльях уносят звуки
В какие-то надземные края,

Где бегают пальцы, мелькают кисти,
В каждой ноте ярко горя.
И падают звуки, как падают листья,
Багряным дождем октября.

И снова — ададжио, анданте, аллегро —
Только тень отзвучавших слов . . .
И он молчит, похожий на негра
С белым оскалом зубов.

Мне сегодня не пишется.
Только зачем об этом?
Тонкая, тонкая книжица
Выйдет на улицу, летом.

Мимо пройдет прохожий,
Полуостановятся други.
«На кого-то она похожа», —
Скажут, не взявши в руки.

Может потом оглянутся,
Может даже узнают,
Может, пройдя, расскаются,
Может, — но я не знаю.

Знаю только, что вечером,
Преодолев истому,
Поздно было и нечего
Ей уходить из дому.

ГОЛУБЫЕ ПАРУСА

Если не грустно, то и не весело.
Ветра нет кораблю.
Снова ночь подошла, занавесила
Город, в котором сплю.

Город давно зачарованный:
В стенах заснули глаза.
Изредка только взволнованно
Голубые зовут паруса.

И тогда мы снимаемся с якоря.
А в душе без добра и зла
Провожает всегда одинаково
Город, в котором спала.

РАЗЛУКА

Может ли быть просторнее
Сердцу и глазу —
Золотые холмы Калифорнии
За поворотом сразу.

Разбежались буйно
По ним деревца,
Верхушками бурыми
Славя Творца.

И мчишься ты по дорогам —
Тишина, ширь . . .
«Слава в вышних Богу
И на земли мир . . .»

Мир. А в далеком городе
Моем
Было счастливее
Нам вдвоем.

Счастливее было
Вдвоем
В шумном, душном городе
Моем, —

Где небо не было синее,
Где серый на всем налет.
Где, кажется, самый сильный
Был у нас мир забот.

Где было всё не на месте —
Краски, рифмы, я . . .
А мы? Мы были вместе —
Ты и я.

Мы с тобой
очень редко встречаемся,

Очень редко с тобой
разговариваем.

У тебя холодок,
у меня холодок ожидания.

За улыбкой твоей,
за улыбкой моей — недосказанность.

В поцелуе твоём,
в поцелуе моём — расставание.

Значит нам не дойти.
С полпути воротиться . . .

С полпути воротиться
куда?

Столько рассудка и трезвости!
В буднях почиет стих
И серый налет повседневности
Около нас двоих.

И небо над нами серое
И серые вечера
И больше и горше не верю я
Даже в наше вчера.

А дни назойливо мечутся
Влево, вправо, вперед.
И время у знахаря лечится
От наших с тобою забот.

Часы подбегают к двенадцати . . .
Как их остановить?
Бегут . . . Нам опять одеваться
И снова из дома спешить.

Была ли дорога? Была.
А сейчас тропинка окольная . . .
То, что вчера — дела,
Сегодня — ушко игольное.

Чувствую сто —
Прожитых,
Чувствую, что
Забыта.
Знаю, что
Всё мнимо.
Даже сто —
 мимо.

Но тем, Новым,
Которым я — тень
Буду вовек словом
Петь голубой день.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Вино. — А если не вино в бокале,
А песнь на языке огня? —
Ты лгал. И зеркала мне лгали
И лгал, окрашенный лучом, остаток дня.

Сентябрь. И осень забрела в ресницы,
В ладонь, в бокалы на столе.
И песнь свою уносят в небо птицы . . .
А песнь моя в опавших листьях на земле.

Лестница в жизнь — без ковров,
Круто взвивалась лестница,
Круто теряли любимых и кров
И голубое сияние месяца.

Было счастье не по пути.
Знаем все оттенки разлуки.
И по жизни не нам идти
Опираясь на сильные руки.

В камни легли пути —
Зеркало нашего века,
В котором трудно найти,
А потерять легко — человека.

Это не просто — войти и жить —
Душа суетою отравлена . . .
А ей еще хочется пить
Из колодца у дома со ставнями.

И всё же будут гореть огни,
Покуда в шуме, жаре и влаге,
Сквозь все, газOLIном облитые дни,
Читает «Звезды» Елагин.

НЕГРИТЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Шоколад или черное кофе,
А в улыбке — сахара вкус.
Если много сердец в катастрофе —
Это бэйби, поющая блюз.

Это бэйби из кофе мокко,
Крошка бэйби, поющая блюз.
Мой возлюбленный с ней, но только
Я за сердце его боюсь.

Он вчера ею был очарован.
Стал совсем на себя не похож.
Джизус, видишь, уже уготован
Самый острый в Гарлеме нож.

В штате Нью Джерси,
где зреют перси-
ки, где много версий
выходных, газолиновых дней —
покупаешь билеты,
ожидаеть ответы . . .
Лотерейное счастье
в миллионы огней!

Лотерейное счастье.
В Нью Джерси
зреют перси-
ки в плодоносных садах.
Покупаешь билеты. Ах,
в клочья билеты . . .
Только персики летом
в проигравших руках.

Во фруктовом штате,
совсем на закате,
быть богачом не мечтай.
Лучше персики летом
вместо билетов
покупай по дороге в рай.

ЗВЕЗДА

Верится и не верится
 мне,
Что хотелось медведице
На землю, ко мне.

Потому венчала поэтом
 меня
Судьба. И крылами поэтому
Моего дарила коня.

И дала подорожную
ввысь.
Только конь, осторожно,
О звезду не споткнись.

Я боюсь ее между строками,
Обойди ее сто-дорогами,
Не затронь.

Это нам — подорожная
ввысь.
Так смотри, осторожнее,
О звезду не споткнись.

День и ночь индейцы, ковбои,
Санта Фэ или Санта Круз . . .
Я в твоём увлечении новом
Угадать должна — «не вернусь».

По-индейски ты тратишь скупое
Только несколько слов на меня.
И с утеса горячего Купер
Устремляет насмерть коня.

Не танцуем. Венчально-белое
Платье не было сшито . . .
Только молодость мчалась беглая
От самых степей до гранита.

Не танцуем. Хмельными вальсами
Были не мы обвиты . . .
Только нашими пальцами
Клались надгробные плиты.

Не танцуем. В готике колкость,
Чувств потерянных — мили.
Это нашу степную молодость
Случайно убили.

Не танцуем. Печальные
Слались из дома вести . . .
И вместо кольца обручального
Черный сверкает перстень.

На одной широте со мною,
На одной долготе со мною,
Только под разной звездой,
Только под разной крышей —
Ребенок родился и дышет.

Дышет он первой весною,
В которой полно покоя.
Еще не разгаданный мною.
Ребенок меня не слышит
Под своей звездой и крышей.

Под жемчужно-розовой кровлей
Колыбель укрыта любовью.
И с какой-то далекой кровью
Случайно моя протекает
В ребенке, который не знает
Зачем ему сказано жить.

ПРИЗРАК БЕРЕЗ

Зинаиде Михайленко

Город. Мы сблизились оба.
В сердце он камнями врос,
Но вижу еще в небоскребах
Белый призрак берез.

И в городах-странах,
Людям каменных весн
Может кажусь странной
С призраком белых берез.

ОТЪЕЗД ПОЭТА

И. Б.

Это ветер ударит по строчкам.
Забегают буквы и точки
Сдвинутся с мест.
Это будет отъезд
Без руля. Без огня. В одиночку.
Пронизанный ветром — отъезд.

Лишь на севере диком
Сосна, заснеженным ликом
Будет даль провожать.
Никому уже не догнать . . .
О чужом, о великом
Затоскует сосна, как мать.

Слово. Шарик. Обрывки
Мыслей и фраз.
На бумаге и в цирке
Жонглер потрясает нас.

Бросит — поймает слово.
Всё — и ничего.
Буквы и шарики здорово
Летают вокруг него.

Только, как он опишет?
Какое название? —
Надсаженной грудью дышет
Шестиколонный вокзал Пенсильвании.
Мимо — автомобили,
Мотор, сознание . . .
И на самой горячей миле —
Асфальтовый крест Пенсильвании.

Как здесь задумывать краски?
Как тут жонглировать?
Это надо по-царски —
Казнить или миловать.

СОДЕРЖАНИЕ

«Будильник. И злобно...»	7
Филадельфия	8
«Я брожу...»	9
Телефон	10
Осень	12
Бессонница	13
«С берега дальнего...»	14
«У окна поёт граммофон...»	15
Огни	16
Земля	18
Дни мои	19
Ферма РОВА	21
На выставке	23
«Вдохновению...»	24
Домик у моря	25
Анне Марли	26
Толедо	27
Белый зверь	28
Тополевая улица	30
Памяти Ирины Синкевич	31
Тихая улица	32
Котёнок Блю	33
Выходной день	34
Белле Ахмадулиной	35
Тоска	37
М. Цветаевой	38
Дом Эдгара По	40

Вечер в Дювале	41
Тобику	43
«И осень уже померкла . . .»	44
Ане	45
Город	46
«Набежало . . .»	48
«Когда одеваешь пальто . . .»	49
«Не хватило тебе, родимый . . .»	50
Хрустальный лебедь	51
«День уходит . . .»	53
Мэрилин Монро	54
Ночи	55
На восьмом этаже	56
Лес	57
Портрет	58
Рояль	59
«Мне сегодня не пишется . . .»	60
Голубые паруса	61
Разлука	62
«Мы с тобой очень редко встречаемся . . .»	64
«Сколько рассудка . . .»	65
«Была ли дорога . . .»	66
День рождения	67
«Лестница в жизнь . . .»	68
Негритянская песня	69
«В штате Нью Джерси . . .»	70
Звезда	71
«День и ночь индейцы . . .»	72
«Не танцуем . . .»	73
«На одной широте . . .»	74
Призрак берез	75
Отъезд Поэта	76
«Слово . . .»	77

